

DOI 10.18522/2415-8852-2021-2-7-16

**«ПРОЧИТАЛ ВАШ РОМАН И НИЧЕГО НЕ ПОНЯЛ,
НО Я БЫЛ ТАК ПОТРАСЕН!»**

Михаил Шишкин – писатель, автор романов «Всех ожидает одна ночь», «Взятие Измаила», «Венерин волос», «Письмовник», а также повестей, рассказов, эссе, путеводителя «Русская Швейцария». Лауреат литературных премий «Русский Букер» (2000), «Национальный бестселлер» (2005) и «Большая книга» (2011). Пишет на русском и немецком языках.

В этом номере Р&I Михаил Шишкин вспоминает о лечении «Войной и миром», выбирает главный фильм о современной России и рассказывает, чему отец должен научить сына. Беседовала Екатерина Максимова.

Вы помните самое яркое, неожиданное литературное впечатление последнего времени? Может, автор, новый для вас или хорошо известный, а может, просто чьи-то слова, заставившие Вас на минуту остановиться, какой-нибудь дурацкий рекламный слоган или рифма модного рэпера, случайно выхваченная ухом?

Поразили две новые книги. Прошлой осенью в НЛО вышел «Заговор» Дмитрия Рагозина, а сейчас я прочитал еще не опубликованную, в теплой рукописи, «Улыбку Шапки» Сергея Соловьева. Книжки просто полярные. И совершенно «не мои». Но в них столько щедрого дара, изощренного мастерства, глубины, жизни, света. Книга Рагозина к тому же очень смешная. Настоящая большая литература: и смешно, и страшно. А роман Соловьева вовсе и не роман. И вообще не проза. А что это? Не знаю. Что-то, чего еще не было и не могло быть. Большое, восхищенное и восхищающее, невозможное, полное до краев красоты и мудрости. И очень грустная книга. Надеюсь, что издатель для нее найдется. Но вот найдется ли читатель? Вдумчивый критик? Или упадет в пустоту? Вот вышел блестящий «Заговор», я попытался найти в интернете какие-нибудь рецензии – мартишкин труд... Стойкое ощущение, что

с литературой как общественным процессом в России все благополучно покончено. Рассосалось.

Михаил, я не могу не коснуться Вашей читательской биографии и попрошу Вас назвать три книги – первую, из детства, когда в нас заселяются сюжеты и герои, вторую – момент эпифании, когда стало ясно, что именно здесь, в словах, «вся сила и власть», и третью – на Ваше усмотрение. Три книги, которые понемногу обращали читателя в писателя – что это будут за книги?

Еще в детском саду полюбил «Урфина Джюса». Мечтал об оживляющем порошке. Все детство (наверное, за недостатком игрушек) лепил из пластилина солдатиков и играл ими. Оживлял моих пластилиновых человечков, они ходили, разговаривали, воевали, умирали, жили дальше. Еще не знал, что фантазия и есть тот самый волшебный живительный порошок. Это в детстве. А в 16 лет – «Школа для дураков». Здесь уже все стало про мою жизнь понятно – все дело в магии слов. А третья книга? Даже не знаю. Наверное, все прочитанное, от «Что делать?» до «Дара», от «Колымских рассказов» до «Finnegans Wake». В конце концов, это же просто разные главы одной бесконечной книги.

А текст, который Вы чаще всего перечитываете? Как наивный читатель в поисках психотерапии – потому что тоскливо или все вокруг раздражает, или как писатель, которому нужно снизить уровень шума – скорее, скорее дотянуться до кофейных зерен в парфюмерной лавке...

Перечитываю редко. Что когда-то не пошло, то и брать снова с полки нет желания. И наоборот, если что-то поразило, проняло, то через много лет есть риск разочароваться. Так произошло, например, с Платоновым. В школе, помню, «Чевенгур» меня просто расплющил. А через много лет стал всего Платонова перечитывать – Господи помилуй, он, кажется, и был тем единственным настоящим коммунистом, который в этот весь бред искренне верил... Вообще с годами авторы меняются. Тургенев из грустно-благородного сделался каким-то именно парфюмерным и вдобавок пустившимся, задрав штаны, за разночинным комсомолом. Неповторимый некогда Набоков утопает в самоповторах. Когда-то феерический Булгаков поражает неряшливостью. Зато Толстого, Бунина, Чехова могу начать читать с любой страницы, и оторваться невозможно. Особенно Толстого. Несколько раз он меня в прямом смысле слова спасал. После операции с трудом и долго приходил в себя – спасался и лечился «Войной и миром».

Есть ли у Вас мучащая Вас литературная загадка, любимая головоломка, к которой Вы время от времени мысленно возвращаетесь? Не знаю, нос, гуляющий по Невскому, или чеховское «приезжайте на хохороны».

Загадки все время возникают. Помню, когда переехал только в Цюрих, ходил в библиотеку Славянского семинара – там несколько огромных стеллажей во всю стену занимала доставшаяся университету в наследство Русская библиотека Цюриха. Эмигранты первой волны собирали десятилетиями все, что выходило по-русски по всему свету, от Шанхая до Монтевидео. Бесценное собрание. Для меня это было какое-то пиршество копать в этих неразобранных залежах. Среди прочих авторов я открыл для себя замечательного и совершенно забытого в России Бориса Лазаревского. Он, кстати, во время Гражданской войны служил в ОСВАГе в Ростове. Его книги занимали несколько полок. А дневники, которые он вел всю жизнь, насколько мне известно, вообще не опубликованы до сих пор. Так вот, один его рассказ из сборника 20-х годов меня поразил. Там речь шла о любви взрослого мужчины к девочке, которую звали, кажется, Лола. Я подумал, что наверняка ушлые набокововеды знают обо всем, что хоть каким-то боком связано с возникновением «Лолиты». Потом на одной конференции заговорил со знакомым спе-

циалистом по Набокову – он ничего про это не слышал, заинтересовался, попросил прислать рассказ. Вернувшись в Цюрих, я отправился в библиотеку, предвкушая рождение маленькой филологической сенсации. Увы, я несколько раз пролистал взад и вперед все книги Лазаревского, но этого рассказа не нашел. Так я и не сделал литературоведческого открытия. Может, это Набоков из гроба таким образом надо мной подшутил?

Или вот еще вопрос: почему Достоевский дал Ставрогину гражданство именно кантона Ури? В те времена иностранцы в этих местах не селились. Если русские и получали в Швейцарии вид на жительство, то во франкофонских кантонах, как, например, Герцен. Да и сам Достоевский в Ури никогда не был. Странно. Или это намек на террориста Вильгельма Телля? Вряд ли. Но все равно у него хорошо получилось. После Достоевского все мы немного «граждане кантона Ури».

Самая странная литературная работа, которую Вам приходилось когда-либо в жизни делать.

На книжной ярмарке в Пекине мне сказали, что со мной хочет познакомиться мой китайский переводчик. Мы встретились на российском стенде, пожали руки, обрадовались, стали о чем-то говорить. Он все время восхищался моим рассказом. В какой-то момент я почувствовал неладное и сказал, что

никакого рассказа не писал, что мы говорим о моем романе. «Но вы же Михаил Шишкин?» «Да». «Я перевел ваш рассказ о бомже, который живет в ванне в недостроенном новом доме». «Да я ничего подобного не писал». Китаец исчез, явно огорченный. Потом мне снова сказали, что со мной хочет познакомиться мой китайский переводчик. Пришел другой китаец. Теперь я сразу спросил, перевел ли тот «Взятие Измаила». Он закивал. Мы пожали друг другу руки, обрадовались. Вот моя самая странная литературная работа – рассказ, который я никогда не писал, о бомже, живущем в ванне.

Михаил, насколько Вы освоили Швейцарию – в смысле, сделали своей? Что в первую очередь приходилось в себе перекраивать, подгонять под швейцарские лекала? И где Вы перестали бороться – мол, в этом я русский, терпите, ничего не напишешь. «Швейцарский характер» – он какой? Какое из Ваших повседневных занятий Вы назвали бы типично швейцарским?

Швейцария стала моей только после нескольких книг, которые я тут написал. Сначала «Русская Швейцария». Потом – уже по-немецки – «По следам Байрона и Толстого. Литературная прогулка от Женевского озера в Бернский Оберланд». После этого уже

пошли романы. Почувствовать себя дома в России или в Италии – это ощутить, что кругом не русские или итальянцы, а люди. То же самое произошло со мной здесь. Вокруг меня давно не швейцарцы, а люди – умные, недалекие, приятные, нудные, разные. Да и подгонять себя под «швейцарские лекала» особенно не пришлось. Я и в России всегда принципиально хотел входить туда, где написано «вход», и выходить там, где написано «выход». Был, так сказать, чужой среди своих. Так что терпеть меня как русского швейцарцам приходится только в моих книгах. Ничего, потерпят. А типичное повседневное занятие – копаюсь в саду. Но тут тоже нет ничего исключительно швейцарского. Я просто осуществил мечту русского писателя – жить круглый год на даче. Моя дача здесь, в Юрских лесах.

Пока не увидите Плёс – тот самый, «Над вечным покоем» Левитана – не поймете русскую природу и русский характер. Так мне один хороший фотограф сказал. А что бы Вы посоветовали увидеть в Швейцарии? Есть у Вас любимый вид, который открывается «вот с этой горы в этой вот деревне»?

Да ведь природа везде прекрасна, где нет человека. Написал и задумался о «швейцарском» виде. Швейцария – это ведь не геогра-

фия, а что? Миф? Ментальность? Состояние души? Швейцарцы про себя давно определили: “La Suisse n'existe pas”. Швейцарии не существует. Пишу, а за окном давно стемнело и вызвездило. Звездное небо. Пустота, битком набитая мертвой и живой жизнью. Вот это и есть самый «швейцарский вид».

Самое убедительное художественное высказывание последних лет о современной России – фильм, спектакль, книга, картина, что угодно.

Пожалуй, фильм «Дурак» Юрия Быкова. Просто и внятно показано, как там все устроено.

В своих интервью Вы говорите, что сознательно строите мост между Россией и Швейцарией. И если, скажем, о Вальзере или о Шарове узнает чуть больше людей, Ваша миссия состоялась. Собственных детей Вы сумели обратить в свою веру? Можете поговорить с сыновьями о Вальзере или о своих книгах? Никогда не чувствовали себя Чеховым, мать которого знала о сыне, что «он, кажется, довольно известный поэт»?

Моя мама даже не узнала, что я «довольно известный писатель». Умерла еще до моих первых публикаций. Не знаю, может, для нее,

проживи она дольше, я все равно остался бы просто сыном, а не писателем. Я-то еще юношей знал, что я писатель, оставалось только доказать это всем кругом. Вот доказал, но тех, кому это доказывал, давно уже нет. А для детей я все равно буду прежде всего папой. Мне кажется, в веру нельзя «суметь обратиться», можно только показать. Не знаю, обратились ли они или нет. Старший живет с семьей в Гамбурге и преподает онлайн языки, литературу, историю, мифы. У него какой-то свой особый курс мировой культуры, ученики по всему миру. Средний – кинорежиссер, заканчивает киношколу в Цюрихе. Младший еще в первом классе. Говорю с сыновьями обо всем на свете, и о литературе, разумеется, тоже. Обсуждаем книги, фильмы. Рад, что старшие со мной делятся своими сценариями, поэмами.

Чему отец должен научить сына?

Соблюдать гигиену. Не хамить матери. Если драться, то бить кулаком в нос, чтобы пошла кровь (и я сам в детстве не мог, и научить не получается). Водить машину.

Что страшнее – когда Вас переводят или ставят на сцене? Или это выбор между двумя пансионатами равной степени сомнительности – куда я отправлю ребенка на целую вечность и ничего не смогу проконтролировать?

Ваша мать? Вы смешно рассказывали, как получили три сэмпла переводов романа, и это были три разных текста. Но Вы не рассказали, что делали дальше. Как выбрать из этих трех, как понять, где «свои», а где «чужие»?

Да все страшно – и перевод, и инсценировка. Ведь это не просто потеря контроля над моей книгой – это рождение чего-то другого, чужого. Оно вбирает меня в себя, переваривает. И ничего сделать нельзя, только смириться и надеяться. Я всегда сравниваю роман с «Титаником», а перевод с айсбергом. Хороший переводчик спасает то, что можно спасти. Но иногда и лучший переводчик бессилен в поединке со своим языком. Например, мне важен образ снежной бабы. Это та самая «вечная женственность». (Она у меня в романе сокрушается, что все жалеют «Титаник» и никто – айсберг). И вот на многих других языках снежная баба – мужского рода, например, по-немецки *der Schneemann*. Выстраивается совершенно другая система коннотаций. То есть переводчик должен создать в мире своего языка что-то свое, то есть стать мной. Но тогда это уже не перевод моего текста.

За годы работы с разными переводчиками у меня собрались уже огромные файлы со всеми возможными вопросами и ответами. Если делается перевод на новый язык, я просто прикрепляю этот файл к мейлу и отправ-

ляю переводчику. Но все равно каждый раз появляются новые вопросы. Объяснять приходится все на свете, но не всегда получается. Например, в «Письмовнике» – почему Вовка-морковка? Или что означают слова «Хрой, прикак, аfox, вайрках рок, ад». Это цитата из суворовской «Науки побеждать».

А что касается выбора переводчика, то это прерогатива издателя. Автор тут заложник не вечности, а человека за редакторским столом, который говорит тебе со снисходительной улыбкой: “Just trust us, we know the market better!”

Какая из Ваших книг наиболее успешна с коммерческой точки зрения? Где Вас больше всего читают вне России?

Может быть, «Письмовник»? Не знаю. Он переведен на 35 языков. Но перевод – это еще ничего не значит. Где-то книга получает великолепные рецензии, а продаж нет. Где-то идет издание за переизданием. Где-то вообще роман ложится на дно в тишине. Так и не понял, от чего это зависит – от переводчика, от издателя, еще от чего-то? Да и вообще книгу-то делает читатель. Вот как себе представить мой арабский «Письмовник» или румынский «Венерин волос»? В Иране издали мой рассказ «Клякса Набокова» на фарси. Там герои напиваются коньяком в Монтре-Паласе, но исламская цензура заменила коньяк на кока-

колу. Когда-нибудь сделают обратные переводы моих книг на русский – вот это действительно будут бестселлеры.

Как звучит наиболее неожиданный отклик на Вашу книгу?

Самый замечательный отклик я услышал, пожалуй, от уже упомянутого китайского переводчика: «Я прочитал ваш роман и ничего не понял, но я был так потрясен!»

А самый нелепый?

Самым нелепым показалось мне научное исследование профессионального филолога, опубликованное в сборнике «Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1», изданном Красноярским университетом. Статья называется «Симптомы информационно-психологической войны, или чем пахнет покинутая родина (на материале романа М.П. Шишкина «Венерин волос»)». Автор – А.А. Бернацкая. Там самым академическим образом показывается, что мои тексты являются оружием в войне Запада против России.

Наши магистранты тоже читают «Венерин волос» в рамках одного из курсов по современной литературе, но у них к Вам другие вопросы. Разрешите? Спасибо, пара вопросов от магистрантов. Модернист или пост-

модернист – Вы как профессиональный филолог с каким определением творчества писателя Михаила Шишкина склонны согласиться?

С чего вы взяли, что я профессиональный филолог? В моем педагогическом институте имени Ленина нас с грехом пополам учили языкам, истории партии, научному коммунизму и военному переводу. Из нас готовили учителей и военных переводчиков. Я лейтенант. Целовал на присяге знамя, пахнувшее селедкой (наши полковники пили пиво с рыбкой и вытирали о флаг руки), давал с калашом в руках клятву отдать жизнь за страну, которая вскоре разбежалась. Это модернизм или постмодернизм? А других вариантов нет? Вы уж сами разбирайтесь.

И второй вопрос. Расскажите о Вашем новом тексте, романе-комментарии «Мертвые души, живые носы». Можно его назвать гипертекстом?

Да называйте как хотите, хоть гипертекстом (sic!). Хотя для меня определение «роман» в отношении этой книги звучит не-

множко странно. Это просто сборник эссе, которые я писал на протяжении многих лет на разные русские культурно-исторические темы для публикации в западной прессе. Многие публиковались в сокращении, иногда со значительными купюрами. Я собрал эти тексты вместе и написал к ним для западного читателя комментарии (около 500), ведь им нужно все объяснять – от декабристов до уроков НВП. Компьютерные технологии позволили сделать книгу не только с картинками, но и с музыкой и видео. Получилось что-то вроде моей авторской энциклопедии русской культуры.

Любопытно, как Вы относитесь к другой книге-комментарию – «Бесконечному тупику» Галковского? К его концепции «креативного слова»: язык, литература способны радикальным образом влиять (и влияют) на реальную действительность.

Честно говоря, несколько раз пытался читать, но так и не получилось. Теперь понимаю, что с Россией происходит – это Галковский радикально повлиял на реальную действительность.

Mikhail Shishkin is a writer, and author of the novels “One Night Befalls Us All”, “The Taking of Izmail”, “Maidenhair”, “The Light and the Dark”, as well as novellas, short stories, essays, and the guide, “Russian Switzerland”. He is a winner of the literary awards “Russian Booker Prize” (2000), “Russian National Bestseller” (2005) and “Big Book Prize” (2011). He writes in Russian and German.

In this issue of P&I, Mikhail Shishkin recalls “War and Peace” as a cure, chooses the main film about contemporary Russia and sets out what every father should teach his son. Interview by Ekaterina Maksimova.

